

замысле и выбирать основной текст, сообразуясь с последним вариантом художественного замысла автора. В этом последнем случае текстолог имеет право не считаться с различного рода авторской правкой, не вызванной развитием художественного замысла, а также с предсмертными, старческими запрещениями печатать то или иное из своих произведений, которые так часты в биографиях писателей.

Во-вторых, в выборе текста, соответствующего именно последней авторской воле или последнему художественному замыслу, есть своя эстетическая оправданность. Обратим внимание, что эстетические качества произведения гораздо более стабильны, чем историческая его ценность. В процессе создания произведения эстетические представления автора меняются меньше, чем его исторические воззрения. Эстетическая ценность произведения в отличие от исторической не столько меняется, сколько развивается, углубляется, растет. Эстетическая ценность памятника редко при этом деградирует.

Вернемся к примеру с «Просветителем». Вторая редакция сравнительно с первой изменила характер этого памятника как исторического источника, но мы не можем сказать, что историческая ценность его углубилась и развилась. Обе редакции важны в соотношении. Между тем большинство прижизненных текстов художественного произведения рисуют картину углубления и развития замысла. Ценность памятника возрастает.

Из изложенного ясно, что в основе принципа выбора текста соответственно с последней волей автора скрыт принцип эстетический. Непосредственно эстетическая оценка последней редакции текста считается мало объективной, недостаточно научной, ненадежной. Поэтому текстолог ради «объективности» стремится переложить ответственность за эстетическую оценку текста с себя на автора. И это в известной мере правильно.

Мы вплотную подошли к определению существа различия текстологического принципа «последней воли» от юридического. С точки зрения юриста последнюю волю умершего следует предпочитать предпоследней или любой иной независимо от того, «лучше» она или «хуже», справедливее она или несправедливее. Юрист решает вопрос о последней воле чисто формально и никак иначе решать его не может. Текстолог же не может решать вопрос о последней воле автора формально: иначе ему придется отказаться от издания «Мертвых душ» и «Войны и мира». Текстолог предполагает, что последний вариант художественного замысла лучше предшествующих и предпочитает его именно поэтому. Это непременно необходимо учитывать в сложных случаях. Какую редакцию «Войны и мира» предпочесть? Вопрос этот крайне сложный с точки зрения отношения Л. Толстого к своему произведению. Спор, который ведется по этому вопросу, есть, в сущности, замаскированный спор о том, какая редакция лучше. Замаскиро-